

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Смерть. Владимир Владимирович Набоков

Драма в двух действиях
Действие происходит в университетском городе Кембридж, весной 1806 г.
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
Комната. В кресле, у огня, – Гонвил, магистр наук.

ГОНВИЛ:

...и эту власть над разумом чужим
сравню с моей наукою: отрадно
заране знать, какую смесь получишь,
когда в стекле над пламенем лазурным
медлительно сливаются две соли,
туманную окрашивая колбу.
Отрадно знать, что сложная медуза,
в шар костяной включенная, рождает
сны гения, бессмертные молитвы,
вселенную...

Я вижу мозг его,
как будто сам чернилами цветными
нарисовал, – и все же есть одна
извилина... Давно я бьюсь над нею –
не выследить... И только вот теперь,
теперь, когда узнает он внезапно –
а! в дверь стучат... Тяжелое кольцо
бьет в медный гриб наружный: стук знакомый,
стук беспокойный...
(Открывает.)

вбегает Эдмонд, молодой студент.

ЭДМОНД:

Гонвил! Это правда?..

ГОНВИЛ:

Да... Умерла...

ЭДМОНД:

Но как же... Гонвил!..

ГОНВИЛ:

Да...

Не ожидали... Двадцать лет сжималось
и разжималось сердце, кровь живую
накачивая в жилы и обратно
вбирая... Вдруг – остановилось...

ЭДМОНД:

Страшно

ты говоришь об этом... Друг мой... Помнишь?
Она была так молода!..

ГОНВИЛ:

Читала

вот эту книжку: выронила...

ЭДМОНД:

Жизнь –

безумный всадник. Смерть – обрыв нежданный,
немыслимый. Когда сказали мне –
так, сразу – я не мог поверить. Где же
она лежит? Позволь мне...

ГОНВИЛ:

Унесли...

ЭДМОНД:

Как странно... Ты не понимаешь, Гонвил:
она всегда ходила в темном... Стелла –
мерцающее имя{1} в темном вихре.

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
и унесли... Ведь это странно, правда?..

ГОНВИЛ:

Садись, Эдмонд. Мне сладко, что чужая
печаль в тебе находит струны.. Впрочем,
с моей женой ты, кажется, был дружен?

ЭДМОНД:

Как ты спокоен, Гонвил, как спокоен!
Как утешать тебя? Ты словно – мрамор:
торжественное белое страданье..

ГОНВИЛ:

Ты прав, не утешай. Поговорим
о чем-нибудь простом, земном. Неделю
ведь мы с тобой не виделись. Что делал?
О чем раздумывал?

ЭДМОНД:

О смерти.

ГОНВИЛ:

Полно!

Ведь мы о ней беседовали часто.
Нет – будем жить. В темницу заключенный
за полчаса до казни паука
рассматривает беззаботно. Образ
ученого пред миром{2}.

ЭДМОНД:

Говорил ты,

что наша смерть...

ГОНВИЛ:

...быть может, удивленье,

быть может – ничего. Склоняюсь, впрочем,
к последнему; но есть одно: крепка
земная мысль – прервать ее стремленье
не так легко...

ЭДМОНД:

Вот видишь ли – я мучусь...

Мне кажется порой: душа в плену –
рыдающая буря в лабиринте
гудящих жил, костей и перепонок.
Я жить боюсь. Боюсь я ощущать
под пальцами толчки тугие сердца,
здесь – за ребром – и здесь, на кисти, – отзвук.

И видеть, мыслить я боюсь – опоры
нет у меня, зацепки нет. Когда-то
я тихо верил в облачного старца,
сидящего среди призраков благих.

Потом в опустошительные книги
качнулся я. Есть книги как пожары..

Сгорело все. Я был один. Тянуло
пустынной гарью сумрачных сомнений –
и вот, в дыму, ты, Гонвил, появился –
большоголовый, тяжкий, напряженный,
в пронзительно сверкающих очках,
с распоротой жабой на ладони..

Ты щипчиками вытащил за узел
мои слепые слипшиеся мысли,
распутал их, и страшной простотой
мои сомненья заменил.. Наука
сказала мне: «Вот – мир», – и я увидел
ком земляной в пространстве непостижном
червивый ком, вращеньем округленный,
тут плесенью, там инеем покрытый{3}...

И стала жизнь от этой простоты
еще сложнее. По ледяной громаде
я заскользил. Догадки мировые –
все, древние и новые, – о цели,
о смысле сущего – все, все исчезли
пред выводом твоим неуязвимым:

ни цели нет, ни смысла; а меж тем
я втайне знал, что есть они!.. Полгода

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

так мучусь я. Бывают, правда, утра
прозрачные, восторженно-земные,
когда душа моя – подкидыш хилый –
от солнца розовеет и смеется
и матери неведомой прощает...
Но, с темнотой, чудовищный недуг
меня опять охватывает, душит:
среди ужаса и гула звездной ночи
теряюсь я; и страшно мне не только
мое непониманье – страшен голос,
мне шепчущий, что вот еще усилие
и все пойму я... Гонвил, ты любил
свою жену?..

ГОНВИЛ:

Незвучною любовью,
мой друг, незвучной, но глубокой... Что же
меня ты спрашиваешь?

ЭДМОНД:

Так. Не знаю...

Прости меня... Не надо ведь о мертвых
упоминать... О чем мы говорили?
Да, – о моем недуге: я боюсь
существовать... Недуг необычайный,
мучительный, и признаки его:
озноб, тоска и головокружение.
Приводит он к безумию. Лекарство,
однако, есть. Совсем простое. Гонвил,
решил я умереть.

ГОНВИЛ:

Похвально. Как же

ты умереть желаешь?

ЭДМОНД:

Дай мне яду.

ГОНВИЛ:

Ты шутишь?

ЭДМОНД:

Там, вон там, в стене, на полке,
за черной занавеской – знаю, знаю, –
стоят, блестят наполненные склянки,
как разноцветные оконца – в вечность...

ГОНВИЛ:

...Иль в пустоту. Но стой, Эдмонд, послушай, –
кого-нибудь ведь любишь ты на свете?
Иль, может быть, любовью ты обманут?

ЭДМОНД:

Ах, Гонвил, знаешь сам!.. Друзья мои
дивятся все и надо мной смеются,
как, может быть, цветущие каштаны
над траурным смеются кипарисом.

ГОНВИЛ:

Но в будущем... Как знать? На перекрестке...
нечаянно... Есть у тебя приятель,
поэт: пусть скажет он тебе, как сладко
над женщиной задумчивой склоняться,
мечтать, лежать с ней рядом – где-нибудь
в Венеции, когда в ночное небо
скользит канал серебряною рябью
и, осторожно, черный гриф гондолы
проходит по лицу луны...

ЭДМОНД:

Да, правда,

в Италии бывал ты, и оттуда
привез...

ГОНВИЛ:

...жену...

ЭДМОНД:

Нет, сказочные смерти,
играющие в полых самоцветах...

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
я, Гонвил, жду... Но что же ты так смотришь,
гигантский лоб наморщив? Гонвил, жду я,
ответь же мне! Скорее!
ГОНВИЛ:

Вот беспечный!

Ведь до того, как друга отравлять,
мне нужно взвесить кое-что, – не правда ль?
ЭДМОНД:

Но мы ведь выше дружбы – и одно
с тобою чтим: стремленье голой мысли...
А! Просветлел... Ну что же?

ГОНВИЛ:

Хорошо,

согласен я, согласен... Но поставлю
условие: ты должен будешь выпить
вот здесь, при мне. Хочу я росчерк смерти
заметить на твоём лице. Сам знаешь,
каков твой друг: он, как пытливый Плиний,
смотреть бы мог в разорванную язву
Везувия{4}, пока бы, вытекая,
гной огненный шипел и наступал...

ЭДМОНД:

Изволь... Но только...

ГОНВИЛ:

Или ты боишься,

что свяжут смерть твою со смертью... Стеллы?

ЭДМОНД:

Нет, о тебе я думал. Вот что! Дай мне
чернил, бумаги. Проще будет.
(Пишет.)

Слышишь,

перо скрипит, как будто по листу
гуляет смерть костлявая...

ГОНВИЛ:

Однако!

Ты весел...

ЭДМОНД:

Да... Ведь я свою свободу

подписываю... Вот... Я кончил. Гонвил,
прочти.

ГОНВИЛ:

(читает про себя)

«Я умираю – яд – сам взял –
сам выпил»... Так.

ЭДМОНД:

Теперь давай; готов я...

ГОНВИЛ:

Не вправе я удерживать тебя.
Вот – пузырек. Он налит зноем сизым,
как утро флорентийское... Тут старый
и верный яд. В четырнадцатом веке
его совали герцогам горячим
и пухлым старцам в бархате лиловом.
Ложись сюда. Так. Вытянись. Он сладок
и действует мгновенно, как любовь.

ЭДМОНД:

Спасибо, друг мой... Жил я тихо, просто
а вот не вынес страха бытия...

Спасаясь я в неведомую область.{5}

Давай же мне; скорей...

ГОНВИЛ:

Эдмонд, послушай, –

быть может, есть какая-нибудь тайна,
которую желал бы ты до смерти...

ЭДМОНД:

Я тороплюсь... Не мучь меня...

ГОНВИЛ:

Так пей же!{6}

ЭДМОНД:

Прощай. Потом плащом меня накроешь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Прошло всего несколько мгновений.

ЭДМОНД:

Смерть... Это – смерть. Вот это – смерть...
(Медленно привстает.)

В тумане

дрожит пятно румяное... Иначе
быть не могло... О чем же я при жизни
тревожился? Пятно теперь яснее.
Ах! Это ведь пылающий провал
камина... Да, – и отблески летают.
А там в углу – в громадном смутном кресле, –
кто там сидит, чуть тронутый мерцаньем?
Тяжелый очерк выпуклого лба;
торчащая щетина брови; узел
змеиных жил на каменном виске...
Да полно! Узнаю! Ведь это...
ЧЕЛОВЕК В КРЕСЛЕ:

...Эхо

твоих предсмертных мыслей...

ЭДМОНД:

Гонвил, Гонвил, –

но как же так? Как можешь ты быть здесь –
со мною, в смерти? Как же так?..

ГОНВИЛ:

Мой образ

продлен твоею памятью за грань
земного. Вот и все.

ЭДМОНД:

...Но как же, Гонвил:

вот комната... Все знаю в ней... Вон – череп
на фолианте; вон – змея в спирту,
вон – скарабей в ящике стеклянном,
вон – брызги звезд в окне, – а за окном, –
чу! слышишь, – бьют над городом зубчатым
далекие и близкие куранты;
скликаются, – и падает на дно
зеркальное червонец за червонцем...
Знакомый звон... И сам я прежний, прежний, –
порою только странные туманы
проходят пред глазами... Но я вижу
свои худые руки, плащ и сборки
на нем – и даже, вот, – дыру: в калитку
я проходил – плащом задел цветок
чугунный на стебле решетки... Странно,
все то же, то же...

ГОНВИЛ:

Мнимое стремленье,

Эдмонд... Колеблющийся отзвук...

ЭДМОНД:

Так!

Я начинаю понимать... Постой же,
постой, я сам...

ГОНВИЛ:

...Жизнь – это всадник. Мчится.

Привык он к быстроте свистящей. Вдруг
дорога обрывается. Он с края
проскакивает в пустоту. Ты слушай,
внимательно ты слушай! Он – в пространстве,
над пропастью, но нет еще паденья,

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

нет пропасти! Еще стремленье длится,
несет его, обманывает; ноги
еще в тугие давят стремяна,
глаза перед собою видят небо
знакомое. Хоть он один в пространстве,
хоть срезан путь... Вот этот миг – пойми,
вот этот миг. Он следует за гранью
конечного земного бытия:
скакала жизнь, в лицо хлестала грива,
дул ветер в душу, – но дорога в бездну
оборвалась, – и чем богаче жизнь,
чем конь сильнее...

ЭДМОНД:

...тем явственней, тем дольше
свист в пустоте, свист и размах стремленья,
не прерванного роковым обрывом, –
да понял я... Но – пропасть, как же пропасть?

ГОНВИЛ:

Паденье неизбежно. Ты внезапно
почувствуешь под сердцем пустоту
сосущую и, завертевшись, рухнет
твой мнимый мир. Успевай же насладиться
тем, что унес с собою за черту.
Все, что знал, что помнишь из земного, –
вокруг тебя и движется земными
законами, знакомыми тебе.
Ведь ты слышал, что раненый, очнувшись,
оторванную руку ощущает
и пальцами незримо шевелит?
Так мысль твоя еще живет, стремится,
хоть ты и мертв: лежишь, плащом покрытый;
сюда вошли; толпятся и вздыхают;
и мертвецу подвязывают челюсть...
А, может быть, и больший срок прошел:
ведь ты теперь вне времени... Быть может,
на кладбище твой Гонвил смотрит молча
на плоский камень с именем твоим.
Ты там под ним, в земле живой и сочной;
уста гниют и лопаются мышцы,
и в трещинах, в глубокой черной слизи
шуршат, кишат белесые личинки...
Не все ль равно? Твое воображенье,
поддержанное памятью, привычкой,
еще творит. Цени же этот миг,
благодари стремительность разбега...

ЭДМОНД:

Да, мне легко... Покойно мне. Теперь
хоть что-нибудь я знаю точно – знаю,
что нет меня. Скажи, мое виденье,
а если я из комнаты твоей –
стой! сам скажу: куранты мне напели:
все будет то же, встречу я людей,
запомнившихся мне. Увижу те же
кирпичные домишки, переулки,
на площади – субботние лотки
и циферблат на ратуше. Узнаю
лепные, величавые ворота;
в просвете – двор широкий, разделенный
квадратами газона; посередке
фонтан, журчащий в каменной оправе,
и на стенах пергаментных кругом
узорный плющ; а дальше – снова арка,
и в небе стрелы серого собора{7},
и крокусы вдоль ильмовых аллей,
и выпуклые мостики над узкой
зеленою речонкой, – все узнаю, –
а на местах, мной виденных не часто
иль вовсе не замеченных, – туманы,

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
пробелы будут, как на старых картах,
где там и сям стоит пометка: Terra
incognita. Скажи мне, а умерших
могу я видеть?
ГОНВИЛ:

Нет. Ты только можешь
соображать, сопоставлять явленья
обычные, понятные, земные, –
ведь призраков ты не встречал при жизни.
Скажи, кого ты вызвать бы хотел?

ЭДМОНД:
Не знаю...

ГОНВИЛ:

Нет, подумай...

ЭДМОНД:

Гонвил, Гонвил,

я что-то вспоминаю... что-то было
мучительное, смутное... Постой же,
начну я осторожно, потихоньку, –
я дома был, – друзья ко мне явились,
к дубовому струился к потолку
из трубки дым, вращающийся плавно.
Все мелочи мне помнятся: вино
испанское тепло и мутно рдело.
Постой... Один описывал со вкусом,
как давеча он ловко ударял
ладонью мяч об каменные стенки;
другой втыкал сухие замечанья
о книгах, им прочитанных, о цифрах
заученных, но желчно замолчал,
когда вошел мой третий гость – красавец
хромой, – ведя ручного медвежонка
московского, – и цепью зверь ни разу
не громыхнул, пока его хозяин,
на стол поставив локти и к прозрачным
вискам прижав манжеты кружевные,
выплакивал стихи о кипарисах{8}.
Постой... Что было после? Да, вбежал
еще один – толстяк в веснушках рыжих –
и сообщил мне на ухо с ужимкой
таинственной... Да, вспомнил все! Я несся,
как тень, как сон, по переулкам лунным
сюда, к тебе... Исчезла... как же так?..
...она всегда ходила в темном. Стелла...
мерцающее имя в темном вихре,
души моей бессонница...

ГОНВИЛ:

...Друг друга

любили вы?..

ЭДМОНД:

Не знаю, было ль это
любовью или бурей шумных крыльев...
Я звездное безумие свое,
как страшного пронзительного бога
от иноверцев, от тебя – скрывал.
Когда порой в тиши амфитеатра
ты взмахивал крылатым рукавом,
чертя скелет на грифеле скрипучем,
и я глядел на голову твою
тяжелую, огромную, как ноша
Атланта, – странно было думать мне,
что ты мою бушующую тайну
не можешь знать... Я умер – и с собою
унес ее. Ты так и не узнал...

ГОНВИЛ:

Как началось?..

ЭДМОНД:

Не знаю. Каждый вечер

Страница 7

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

я приходил к тебе. Курил, и слушал
и ждал, томясь, – и Стелла проплывала
по комнате и снова возвращалась
к себе наверх по лестнице витой,
а изредка садилась в угол с книгой,
и призрачная пристальность была
в ее молчанье. Ты же, у камина
проникновенно пальцами хрустя,
доказывал мне что-нибудь – Systema
Naturae сухо осуждал{9}... Я слушал.
Она в углу читала, и когда
страницу поворачивала, в сердце
моем взлетала молния... А после,
придя домой, – пред зеркалом туманным
я длительно глядел себе в глаза,
отыскивал запечатленный образ...
Затем свечу, шатаюсь, задувал,
и до утра мерещилось мне в бурях
серебряных и черных сновидений
ее лицо склоненное, и веки
тяжелые, и волосы ее,
глубокие и гладкие, как тени
в ночь лунную; пробор их разделял,
как бледный луч, и брови вверх стремились
к двум облачкам, скрывающим виски...
Ты, Гонвил, управлял моею мыслью;
отчетливо и холодно. Она же
мне душу захлестнула длинным светом
и ужасом невыносимым... Скажи мне,
смотрел ли ты порою, долго, долго,
на небеса полночные? Не правда ль,
нет ничего страшнее звезд?
ГОНВИЛ:

Возможно.

Но продолжай. О чем вы говорили?

ЭДМОНД:

...Мы говорили мало... Я боялся
с ней говорить. Был у нее певучий
и странный голос. Английские звуки
в ее устах ослабевали зыбко.
Слова слепые плыли между нами,
как корабли в тумане... И тревога
во мне росла. Душа моя томилась:
там бездны раскрывались, как глаза...
Невыносимо сладостно и страшно
мне было с ней, и Стелла это знала.
Как объясню мой ужас и виденья?
Я слышал гул бесчисленных миров
в ее случайных шелестах. Я чуял
в ее словах дыханье смутных тайн
и крики и заломленные руки
неведомых богов! Да, – шумно, шумно
здесь было, Гонвил, в комнате твоей,
хоть ты и слышал, как скребется мышь
за шкафом и как маятник блестящий
мгновенья косит... Знаешь ли, когда
я выходил отсюда, ощущал я
внезапное пустынное молчанье,
как после оглушительного вихря!..

ГОНВИЛ:

Поторопи свое воспоминанье,
Эдмонд. Кто знает, может быть, сейчас
стремленье жизни мнимое прервется, –
исчезнешь ты, и я – твой сон – с тобой.

Поторопись. Случайное откинь,
сладчайшее припомни. Как признался?
Чем кончилось признанье?

ЭДМОНД:

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Играет мысль моя и тклет свободно
цветной узор из жизненных явлений,
из случаев нежданных, но возможных,
возможных, Гонвил!

ГОНВИЛ:

Это бред... Очнись!

Не думал я... Как женщина, поддался...
Поверь, ты так же жив, как я, и вдвое
живуче...

ЭДМОНД:

Так! не может быть иначе!

В смерть пролетя, моя живая мысль
себе найти старается опору, –
земное объяснение... Дальше, дальше,
я слушаю...

ГОНВИЛ:

Очнись! Мне нужно было,
чтоб спотыкнулся ты; весь ум, всю волю
я приложил... Сперва не удавалось, –
уж мыслил я: «В Милане мой учитель
выкалывал глаза летучей мыши,
затем пускал, и все же при полете
она не задевала тонких нитей,
протянутых чрез комнату: быть может,
и он мои минует нити». Нет!
Попался ты, запутался!..

ЭДМОНД:

Я знаю,

я знаю все, что скажешь! Оправдать,
унизить чудо – мысль моя решила.
Но подожди... в чем цель была обмана?
А, понял! Испытующая ревность
таилась под личиной ледяной...
Нет, погляди, как выдумка искусна!
Напиток тот был ядом в самом деле,
и я в гробу, и все кругом – виденье, –
но мысль моя лепечет, убеждает:
нет, нет – раствор безвредный! Он был нужен,
чтоб тайну ты свою открыл. Ты жив,
и яд – обман, и смерть – обман, и даже...

ГОНВИЛ:

А если я скажу тебе, что Стелла
не умерла?

ЭДМОНД:

Да! Вот она – ступень
начальная... Ударом лжи холодной
ты вырвать мнил всю правду у любви.
Подослан был, тот, рыжий, твой приятель,
ты мне внушил сперва чужую смерть,
потом – мою, – чтоб я проговорился.
Так, конечно: подробно восстановлен
из сложных вероятностей, из хитрых
догадок, из обратных допущений
знакомый мир... Довольно, не трудись, –
ведь все равно ты доказать не можешь,
что я не мертв и что мой собеседник
не призрак. Знай: пока в пустом пространстве
еще стремится всадник – вызываю
возможные виденья. На могилу
слетает цвет с тенистого каштана.
Под муравой лежу я, ребра вздув,
но мысль моя, мой яркий сон загробный,
еще живет и дышит и творит.

Постой – куда же ты?

ГОНВИЛ:

А вот сейчас

увидишь...

(Открывает дверь на лестницу и зовет.)

Стелла!

ЭДМОНД:

Нет... не надо... слушай...

мне почему-то... страшно... Не зови!

Не смей! Я не хочу!..

ГОНВИЛ:

Пусти, – рукав

порвешь... Вот сумасшедший, право...

(Зовет.)

Стелла!

А слышишь: вниз по лестнице легко

шуршит, спешит...

ЭДМОНД:

Дверь, дверь закрой! Прошу я!

Ах, не впускай. Дай мне подумать... Страшно...

Повремени, не прерывай полета, –

ведь это есть конец... паденье...

ГОНВИЛ:

Стелла!

Иди же...

Занавес

6–17 марта 1923

Примечания

Смерть Драма в двух действиях

Впервые: Рубль. 1923. 20 мая; 24 мая.

Пьеса написана в марте 1923 г. в Берлине. На выбор темы и сюжета пьесы повлияли два события в жизни Набокова: трагическая смерть отца, В. Д. Набокова, убитого 28 марта 1922 г., и расторжение помолвки со Светланой Зиверт в январе 1923 г. Тема «инерции» жизни после смерти была развита затем Набоковым в рассказе «Катастрофа» (1924) и повести «Соглядатай» (1930).

А. Бабинов

Комментарии

1 Стелла – / мерцающее имя... – Значение имени Стелла (от лат. *Stella* – звезда)

многократно обыгрывается в стихах Дж. Свифта, обращенных к Эстер Джонсон, которую он называл Стеллой, ср.: «Когда же за деканом вслед / Покинет Стелла белый свет...» («День рождения Бекки»), «...И Стелла в восемьдесят лет / Тебя затмит, чаруя свет» («День рождения Стеллы») (пер. В. Микушевича). В «Лолите» упоминается «очаровательная Стелла, которая дает себя трогать чужим мужчинам» (Н97.[1] с. 69), ее имя в конце романа, как заметил К. Проффер, сквозит в эпитете «астральный» (см.: К.Проффер. Ключи к «Лолите». СПб.: Симпозиум, 2000. С. 23–24). «Мерцающее» имя носит Зина Мерц, возлюбленная героя в романе «Дар» (1938), ср.: «...Ты полу-Мнемозина, полу-мерцанье в имени твоём» (Н4.[2] с. 337–338). Набоков обыгрывал также имя своей невесты Светланы Зиверт (повлиявшей на образ Стеллы) в обращенных к ней стихах 1921–1922 гг. (напр., «Ее душа, как свет необычайный...» из сб. «Гроздь», 1923).

2 ...за полчаса до казни – паука / рассматривает беззаботно. Образ / ученого пред миром. – Ср. как в «Даре» Федор Годунов–Чердынцев представляет расстрел своего отца, ученого-энтомолога: «И если белесая ночница маячила в темноте лопухов, он и в эту минуту, я знаю, проследил за ней тем же поощрительным взглядом, каким, бывало, после вечернего чая, куря трубку в лешинском саду, приветствовал розовых посетительниц сирени» (114. с. 319–320).

3 ...«Вот – мир» <...> ком земляной в пространстве непостижном /<...> тут плесенью, там инеем покрытый... – весь пассаж не что иное, как поэтическое переложение начальных фраз второго тома «Мира как воли и представления» А. Шопенгауэра в переводе Ю. И. Айхенвальда (в полном собр. соч. А. Шопенгауэра, вышедшем в Москве в 1901 г.), с которым Набоков близко сошелся в 20-е годы в Берлине. Ср.: «В беспредельном пространстве бесчисленные светящиеся шары; вокруг каждого из них вращается около дюжины меньших, освещенных; горячие изнутри, они покрыты

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru застывшей, холодной корой, на которой налет плесени породил живых и познающих существ, – вот эмпирическая истина, реальное, мир» (А. Шопенгауэр. Собр. соч.: В 6 т. М.: Terra, 2001. Т. 2. С. 4). По сути, в пьесе, как затем в «Соглядатае», на сам сюжет спроецирована шопенгауэровская идея мира как представления, «многого мира», как его назовет ниже Гонвил (и позднее Цинциннат в «Приглашении на казнь», IV), создаваемого разумом, ср. у Шопенгауэра: «...мир <...> надо признать родственным сновидению и даже принадлежащим к одному с ним классу вещей. Ибо та функция мозга, которая во время сна какими-то чарами порождает совершенно объективный, наглядный, даже осязаемый мир, должна принимать такое же точно участие и в созидании объективного мира бодрствования» (Там же. С. 5).

4 ...Плиний, / смотреть бы мог в разорванную язву / Везувия... – Плиний Старший (23 или 24–79), римский писатель и ученый. Его обширный труд «Естествознание» явился сводом знаний античности о природе, человеке и искусстве. Погиб при извержении Везувия. Отправившись на корабле к Везувию наблюдать за извержением, Плиний Старший, по словам Плиния Младшего в знаменитом письме Тациту, «свободный от страха <...> диктует и зарисовывает все замеченные глазом движения этого бедствия, все очертания» (Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. С. 26–27).

5 ...страха бытия... / Спасаясь я в неведомую область. – Переосмысление классического источника – излюбленный прием Набокова-драматурга, ср. монолог Гамлета (акт III, сц. 1): «...но страх, внушенный чем-то / за смертью – неоткрытую страной...» (пер. Набокова, цит. по: НЗ.[3] С. 677).

6 Так пей же! – Переиначенная реплика пушкинского Сальери, после того как он бросил яд в стакан Моцарта («Моцарт и Сальери», сц. 2), ср.: «Ну, пей же» (А. С. Пушкин. Поли. собр. соч.: в 10 т. 1978. Т. 5. С. 314).

7 ...стрелы серого собора... – Под собором подразумевается самое монументальное строение Кембриджа – позднеготическая капелла Кингсколледжа (XV – нач. XVI в.), увенчанная четырьмя высокими шпилями. Ср. описание Кембриджа в стихотворении Байрона «Гранта» (1806): «Прогулка кончилась моя. <...> / Прощайте, шпили старой Гранты!» (пер. В. Васильева).

8 ...красавец / хромой, – ведя ручного медвежонка / московского <...> выплакивал стихи о кипарисах. – В 1806 г., к которому приурочено действие пьесы, в том же кембриджском Тринити-Колледже, что кончил Набоков, учился Байрон. Однако ручного медведя Байрон завел не в 1806 г., а позднее, в 1808 г., протестуя против запрета держать на территории университета собак. На вопрос кого-то из начальства колледжа, что он собирается делать с медведем, Байрон ответил: «Подготовить его в кандидаты на кафедру» (А. Моруа. Дон Жуан, или Жизнь Байрона. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 92). Медвежонок Байрона упоминается в эссе Набокова «Кембридж» (1921) и позднее, в 1927 г., в «Университетской поэме»: «Держа московского медведя, / боксеров жалуя и бредя / красой Италии, – тут жил / студентом Байрон хромоногий» (Н2.[4] С. 563–564). Московское происхождение медведя – домысел Набокова. Упоминание стихов о кипарисах также является набоковским анахронизмом: подразумеваемое стихотворение Байрона «К музе вымысла» написано в 1807 г., ср.: «Сочувствие, в одежде черной / И кипарисом убрано, / С тобой пусть плачет непритворно, / За всех кровь сердца льет оно! / Зови поплакать над утратой / Дриад: их пастушок ушел / <...> / Оплачете ль меня печально, / Покинувшего милый круг?» (пер. В. Брюсова). Ср. мотивы этого стихотворения Байрона с романтическим конфликтом Эдмонда: «Но знаю: ты лишь имя! Надо / Сойти из облачных дворцов, / Не верить в друга, как в Пилада, / Не видеть в женщинах богов! / Признать, что чужд мне луч небесный, / Где эльфы водят легкий круг, / Что девы лживы, как прелестны, / Что занят лишь собой наш друг. <...> Глупец! Любил я взор блестящий / И думал: правда скрыта там!»

9 ...Systema / Naturae сухо осуждал... – Как указала М. Маликова (Н1.[5] С. 806), здесь имеется в виду труд Карла Линнея (1707–1778) «Система природы» («Systema Naturae Fundamenta Botanica», 1735), положивший начало современной систематике. В его десятом издании (1758) была установлена иерархия таких таксономических категорий, как тип, класс, отряд, род и вид. Линней указал естественную единицу – вид – как отправную точку классификации. Слабым пунктом его теории оказался принцип постоянства вида. После смерти Линнея его коллекции, в том числе бабочек, попали в Лондон, где их видел Набоков.

10 ...ее глаза в мои глядели <...> мы поднялись; дышали / в невероятном небе... –

Смерть. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Детали в описании этого вознесения напоминают начало третьей кантики «Божественной Комедии», когда Данте, неотрывно глядя в глаза Беатриче, устремленные к солнцу, возносятся вместе с нею в небесные сферы («Рай», I, 64–91; II, 22–25). История любви Данте Алигьери к флорентийке Беатриче Портинари (ср. флорентийские мотивы в пьесе), о которой известно, что она вышла замуж за Симоне де'Барди и умерла двадцати пяти лет от роду, возможно, оказала влияние на сюжет пьесы. Догадку эту подкрепляет тот факт, что Беатриче, вообще крайне редко возникающая в русских произведениях Набокова, упоминается в рассказе «Боги», написанном в том же 1923 г., когда Набоков написал «Смерть». Рассказ был опубликован по-английски в переводе Д. Набокова; вот это место в нашем обратном переводе с английского: «Я уверен, они говорят терцинами. А ваша соседка, та девушка в светло-желтом пальто, сидящая с опущенными ресницами, – может быть это Дантова Беатриче?» (The Stories of Vladimir Nabokov. Vintage, 1997. P. 47). В «Комедии» Беатриче претворяется в символ откровения, а тема загробного опыта Данте находит свое разрешение в потусторонней встрече с возлюбленной; все три кантики «Комедии» заканчиваются словом «stelle» – звезды.

Сноски

- 1 В. Набоков. Американский период. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1997. Т. 2.
- 2 В. Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 4.
- 3 В. Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 3.
- 4 В. Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 2.
- 5 В. Набоков. Русский период. Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 1.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!